

УДК 811.161.1' 373.45

Воробьева Н.Ю.

Московский государственный областной университет

**ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В «АФРИКАНСКОМ ДНЕВНИКЕ»
НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА КАК ОТРАЖЕНИЕ СФЕРЫ ИНТЕРЕСОВ
ПОЭТА-ПУТЕШЕСТВЕННИКА**

N. Vorobyova

Moscow State Regional University

**THE EXOTIC VOCABULARY IN «AFRICAN DIARY»
BY NIKOLAY GUMILEV AS A REFLECTION OF THE SPHERES
OF INTERESTS OF THE POET THE TRAVELER**

Аннотация. Статья посвящена исследованию экзотической лексики в «Африканском дневнике» Н.С. Гумилёва, раскрывающей стремление автора показать читателю реалии быта Абиссинии (Эфиопии) первой половины XX века (*шама, нагадрас, энджера и др.*). Избрав материалом исследования текст путевого дневника Николая Гумилёва, мы считаем возможным выявить в ходе анализа черты языковой личности автора как наблюдательного путешественника, для которого специфика экзотической номинации реалии доносила аромат чужой жизни и быта. Разыскания поэта-акмеиста, касающиеся абиссинских племён (*галласы, данакили, сомали*) и приведшие его к непосредственному знакомству со структурой их общественного устройства, характером власти, строением жилья, видом одежды, особенностями кухни и т. д., вызывают наш интерес, который предполагает использование вектора сравнения результатов наблюдений автора с итогами опроса современных российских путешественников.

Ключевые слова: язык Н.С. Гумилёва, «Африканский дневник», языковая личность, акмеизм, экзотизм, этноним, фразеологизм.

Abstract. The article is devoted to the study of exotic vocabulary in «African diary» N. Gumilev, which demonstrates the desire of the author to show the reader the realities of life in Abyssinia (Ethiopia) of the first half of the 20th century (*shama, nagadras, andgera and others*). We believe that choosing the text of the travel diary of Nikolay Gumilev as the material for the study makes it possible during the analysis of language features to identify the personality of the author as an observant traveler, for whom the specifics of exotic nomination of realities brings the scent of alien everyday life. The research of the poet-acmeist concerning the Abyssinian tribes (*gallas, danakil, somali*) led him to direct acquaintance with their social structure, nature of power, the structure of housing, clothing, cuisine etc. The above interests us and justifies the use of the vector of comparison of the results of observations of the author with the results of the survey of the modern Russian travelers.

Keywords: N. Gumilev's language, «African diary», linguistic personality, acmeism, exotism, ethnonym, cliché.

«Африканский дневник» поэта-акмеиста, путешественника, тонкого ценителя экзотики Николая Степановича Гумилёва был написан в 1913 году во время его последнего путешествия по Абиссинии в составе экспедиции академика В. Радлова. «Историческая значимость дневника и «реальность» происшествий, происходящих с героями, становятся первым и основным критерием для определения его жанровой сущности – документального очерка» [6].

Мы полагаем, что страницы дневника были адресованы вдумчивому читателю, который, как и автор, интересовался экзотическими странами и мог этот интерес при желании реализовать. Н.Н. Галушко справедливо считает, что путешествие, путь для Гумилёва «отождествляется с яркой полноценной жизнью и противопоставляется скуке, унынию и серости – атрибутам оседлой жизни» [4, с. 80].

Гумилёв ставил перед собой такие коммуникативные задачи, согласно которым читателями «Африканского дневника» должны были бы быть, в первую очередь, представители привилегированных классов: в дневнике сообщается о высокопоставленных особах, с которыми были встречи поэта в Абиссинии, но не рассказывается об орудиях труда или о процессе обрабатывания земли. Вскользь упоминается о народных традициях и жилищах галласов. Наряду с этим Николай Гумилёв подробно описывает дома представителей власти, их одежду, окружение, рассказывает об их поступках и характерах.

При внимательном чтении текста нам удалось выявить сферу интересов Н. Гумилёва-путешественника: племена (их названия, менталитет), песни и легенды, охота; жилища, абиссинская кухня, иерархия власти, культура, судебная система, одежда, занятия местного населения, растительность, символы страны. Это составляет тематику дневника. Большая часть тем при освещении предполагает использование экзотической лексики, образуя топику, значение которой в дневнике объясняет сам Н.С. Гумилёв. На основе этих объяснений как семантических блоков текста, передающих характеристики и оценки поэта-путешественника, выявим особенности языковой личности автора.

Рассказывая о племенах, Н. Гумилёв неоднократно использует этнонимы: *галласы*, *сомалийцы* и другие: *Проходя перед хижинами галласов, слышишь запах ладана, их любимого куренья* [2, с. 271].

Следует отметить, что автор использует вариант *галласы*, ассимилированный к

русскому произношению. Здесь проступает прагматическая установка Н.С. Гумилёва сделать дневник максимально понятным русскому читателю. Трудности представления семантики, внутренней формы слова, безусловно, имеют место: «Происхождение этнонима «галла» до сих пор спорно: по одной версии, это слово арабского происхождения и значит «он сказал нет», иными словами, они отказались принять предложение Мухаммеда и перейти в ислам. По другой версии, слово ведёт своё происхождение от сомалийского «gaal» — «не-мусульманин», «чужеземец», применявшегося ко всем язычникам...» [1, т. 1, с. 524].

Гумилёв показывает застенчивый, пугливый характер народности, употребляя этноним *галласы* в контекстуальном окружении таких слов, которые отражают в значении сему 'страх' (*испуганно* – от *испуганный*, то есть выражающий испуг [9, с. 254], *сторониться* в значении 'отходить в сторону, освобождая место для прохода, проезда' [9, с. 771]). В силу этого отмечаем контекстуальную коннотацию значения этнонима – он эмоционально окрашен: *Белые, то есть греки, армяне, сирийцы и турки — все знакомые между собой, скакали группами, болтая и одалживаясь папирской. Попадавшиеся навстречу крестьяне-галласы испуганно сторонились, видя такое торжество* [2, с. 278].

В песне из «Африканского дневника» рассказывается, что вождю Дароту *галласы носят воду из колодцев с той стороны реки Уэба* [2, с. 266-267]. Это указывает на то, что племя организованное, имеет лидера (вождя), которого галласы почитают настолько, что готовы идти за водой для него на другую сторону реки.

Благодаря сведениям из «Африканского дневника», можно составить портрет народности – такой, каким обрисовал его поэт-путешественник. Галла любят жечь ладан, следовательно, христиане; живут в хижинах; занимаются земледелием; ведут многовековую борьбу с хараритами; имеют вождя, которого глубоко почитают.

Наряду с галласами упоминаются сомалийцы: «Сомалийцы, сомали — африканский народ хамитского или эфиопского племени, населяющий область между Аденским проливом к югу, Абиссинией к юго-востоку и рекой Джубб к северу. По мнению Пауличке, сомалийцы представляют смешение племени галла с переселившимися сюда к VI-XIII вв. арабами» [12, с. 846].

Наименование народности *сомбали* автор оформляет как освоенное русским языком, т.е. суффиксальным способом, по продуктивной словообразовательной модели русского языка, с суффиксом *-ец*: *сомалиец*: *От двенадцати до четырёх часов пополудни улицы кажутся вымершими; все двери закрыты, изредка, как сонная муха, проплетётся какой-нибудь сомалиец* [2, с. 265]. Этноним *сомалиец* эмоционально окрашен, на коннотацию указывают контекстуальные партнёры — разговорный негативнооценочный фразеологизм *как сонная муха* ('очень вяло, медленно' [7, с. 401], а также предикат *проплетётся* (от *плестись* — 'идти медленно, вялой походкой, тащиться' [9, с. 523]).

Автор рассказывает, что *сомалийцы* племени *Исса* находятся в постоянной вражде с живущими на север от них *данакилями* и что последние всегда побеждают. *Сомалийское племя Исса считается одним из самых свирепых и лукавых во всей восточной Африке. Они нападают обыкновенно ночью и вырезают всех без исключения. Проводникам из этого племени довериться нельзя* [2, с. 266]. Авторская характеристика словами предикатной лексики отрицательная: *свирепый, лукавый, вражда, нападать, не доверять*.

Однако есть у этой народности положительные черты, отмеченные Н.С. Гумилёвым соответствующим предикатом — *творцы моды* (они даже являются *творцами моды* среди окружающих племён [2, с. 266]): они обнаруживают известный вкус в выборе орнаментов для своих щитов и кувшинов, в выделке ожерелий и браслетов.

Мужчины-сомалийцы показаны Гумилёвым крепкими и трудолюбивыми, способны-

ми прийти на помощь: *Пятнадцать рослых сомалийцев, ритмически выкрикивая «ей-дехе, ейдехе» — род русской «дубинушки», не политической, а рабочей, — взялись за ручки дрезин, и мы отправились* [2, с. 269]. Предикаты, представленные акциональным глаголами (*выкрикивать, взяться*), представляют это. Гумилёв увидел в сомалийцах не только *рослых* ('высокого роста' [9, с. 684]) мужчин, но и обратил внимание на способ подбадривания в ходе совместной работы: *«ейдехе, ейдехе»*. Данное междометие-экзотизм конкретизирует обрисованную картину, автор стремится к достоверности.

Этноним *сомали* и ассимилированное производное *сомалиец* создают противоречивый образ *свирепого* ('зверского, жестокого, неукротимого, выражающего жестокость' [9, с. 703]), *лукавого* ('коварного, хитрого' [9, с. 334]), *опасного* ('способного вызвать, причинить какой-н. вред, несчастье' [9, с. 453]) народа.

— В «Африканском дневнике» автор осуществляет представление народностей через характеристику их контактов последовательно. *Сомалийцы* находятся в постоянной вражде с *данакилями*. «*Данакиль* (афар) — народ, живущий в р-не Африканского Рога; в Эфиопии — преим. в пустыне Данакиль, а также в Джибути, Эритрее. Иногда сев. А. называют данакиль, южных — адел, или адал» [1, т.1, с. 474]. Н. Гумилёв характеризует данакилей как *способный* ('обладающий способностями к чему-н., одарённый' [9, с. 757]), но очень *свирепый* ('зверский, жестокий, неукротимый, выражающий жестокость' [9, с. 703]) народ.

Наблюдения над единицами, называемыми экзотическую пищу, позволяют отметить следующее. В описании абиссинской еды встречается экзотизм *нжира*: *В галласской деревушке мы купили нжиры* (род толстых блинов из чёрного теста, заменяющих в Абиссинии хлеб) *и съели её, окружённые любопытными ребятишками, при малейшем нашем движении бросающимися удирать* [2, с. 274]. Точное название *нжиры-энджера*. В

Русско-амхарском словаре Э.Б. Ганкина и Кеббеде Деста *энджера* переводится через гипероним *блины* [5, с. 67]. В «Африканском дневнике» Гумилёва дано более точное объяснение: *энджера* не просто *блины*, а *толстые блины из чёрного теста*. Авторское написание расходится с написанием в словаре языка амхара, однако в контексте наблюдается конкретизированное обозначение денотата, что характерно для представителей акмеизма. Но Н. Гумилёв пытается быть точным в деталях (еда поджарена именно на сковороде, а не приготовлена в печи). Такая точность соответствует жанру дневника и выработанной автором, поддерживаемой в текстах акмеистической тенденции твёрдого взгляда на мир.

Дневник изобилует лексикой, принадлежащей фрагменту языковой картины мира, обозначающему социальное устройство (*нагадрас*, *негус* и др.): *Перед домом данакильско-го нагадраса (собственно говоря, начальника купцов, но в действительности — просто важного начальника) висят хвосты слонов...* [2, с. 271]. В Словаре географических названий Эфиопии приводится правильное произношение и написание лексемы, расходящееся с тем, что использовалось у Н. Гумилёва: *наггадрас* [10, с. 354].

Евгений Степанов, исследователь творчества Николая Гумилёва, даёт толкование слова *нагадрас*: «*Нагадрас* (точнее: *наггадрас*) — обычно сборщик торговых пошлин» [11, с. 439]. Гумилёв использует неизменно свою (авторскую) орфографию, основанную на фонетическом принципе, поэтому написание и произношение лексемы незначительно различаются со словарным. Определение, данное поэтом, расширяет понятие *нагадрас*. Н. Гумилёв выходит за рамки академического комментария и использует личные наблюдения за работой должностного лица (*нагадрас* в дневнике показан как важное лицо, имеющее в подчинении солдат не только для войны и охраны, но и для охоты).

Слово *негус* как обозначение титула поэт вводит в текст при упоминании об истори-

ческих событиях в Абиссинии: *В этом году негус Менелик в битве при Челонко в Черчере наголову разбил харарского негуса Абдуллаха и взял его самого в плен, где тот вскоре и умер. Его сын живёт под надзором правительства в Абиссинии, номинально называется харарским негусом и получает солидную пенсию* [2, с. 281]. Лексеме *негус* Гумилёв даёт объяснение не в «Африканском дневнике», а в поэме «Мик»: *Негус – титул абиссинских царей* [8, с. 259]. Лексема стилистически не окрашена, так как используется в номинативных целях и выполняет когнитивную функцию.

Для передачи информации представлена в дневнике и стилистически не окрашенная лексема *шама*. Поэт использует это слово, рассказывая о национальной абиссинской одежде: *Араб принимал красивые позы, распахивал и запахивал свою шаму (белая мантия, общая для всех обитателей Абиссинии) и, говоря, выбирал выраженья и, видимо, старался для галёрки* [2, с. 271-272]; *Он (Тафари Макконен. – Н.В.) был одет в шаму, как все абиссинцы, но по его точёному лицу, окаймлённому чёрной вьющейся бородкой, по большим, полным достоинства, газельим глазам и по всей манере держаться в нём сразу можно было угадать принца* [2, с. 279].

Д. Бакстон в исследовании «Абиссинцы. Потомки царя Соломона» пишет: «Мужественные амхарцы, живущие либо на открытых ветрам плато, либо же в более уютных низинах ущелий, – очень гордый и обособленный народ. <...> Это люди природного достоинства, подчёркиваемого традиционной шама или тогой – верхней одеждой как мужчин, так и женщин» [3, с. 62]. В дневнике Гумилёва есть подробное описание, дающее основание для семантизации: *шаму* носят все жители Абиссинии, даже правители страны; *шама* не просто мантия и не только верхняя одежда, а мантия белого цвета; это одежда с запахом. В подробном описании *шамы* поэтом мы усматриваем свойственное акмеистам стремление быть максимально точным в деталях.

Мы проанализировали часть экзотизмов, представленных русским поэтом и путеше-

ственным Н.С. Гумилёвым в «Африканском дневнике». В ходе анализа было выявлено следующее:

1) Н.С. Гумилёв подробно объясняет читателю значение экзотизмов, использованных для обозначения реалий жизни Абиссинии начала XX в., что предполагает жанр путевого дневника, а также отражает свойственное акмеистам стремление поэта к честному взгляду на мир: названия еды (*нжира* и др.), названия должностей высших чиновников страны (*негус, нагадрас* и др.).

2) При объяснении экзотической лексики происходит сравнение с реалиями русской жизни (*нагадраса*, например, поэт называет *начальником купцов*, что делает значение слова понятным русскому читателю). Таким образом, мы склонны полагать, что толкование Н. Гумилёвым экзотизмов происходит через призму носителя русского менталитета, типизированных представлений русской языковой картины мира.

3) Называя представителей абиссинских племён, автор использует русские суффиксы (например, *-ец* в слове *сомалиец*) для ассимиляции слова к языку читателя-соотечественника.

4) Нередко Н. Гумилёв расширяет значения вводимых понятий по сравнению со значениями, данными в позднейших словарях. В таком подходе мы усматриваем акмеистические тенденции творчества поэта.

Мы полагаем, что Н.С. Гумилёв при толковании экзотической лексики и при её использовании в «Африканском дневнике» проявляет себя не только как путешественник, наблюдательный человек и вдумчивый, добросовестный исследователь, но и как русская языковая личность, сохраняющая приверженность выработанным в ходе поэтического творчества акмеистическим взглядам.

При анализе «Африканского дневника» мы сочли необходимым учитывать сферы интересов сегодняшних российских путешественников.

Нами было опрошено 150 человек разных возрастов, профессий, социальных слоёв.

Самому взрослому участнику опроса 79 лет, самому молодому – 4 года.

Респондентам был задан вопрос: «Что Вас как путешественника привлекло бы в другой стране?» Ответы были разбиты по частоте упоминаний (в порядке убывания) в соответствии с социальным и возрастным раслоением опрошенных.

Нами были получены следующие данные:

1) Представители бизнеса: *взаимоотношения между людьми, досуг, кухня, культура страны*.

2) Интеллигенция (преподаватели, психологи, социальные работники, врачи, бухгалтеры, офисные работники, офицеры, музыканты, логопеды, журналисты): *достопримечательности, национальная кухня, архитектура, культура страны, история, сервис, уклад семей, природа, язык, менталитет, традиции*. Также назывались: *национальные символы, отношение власти к народу, социальный уровень, уровень быта, отношение к женщине, отношение к детям, перспективы молодёжи, наличие свободного времени граждан*.

3) Представители рабочих профессий (рабочие завода, продавцы, кассиры, кондитеры, парикмахеры, шофёры): *традиции, кухня, природа, достопримечательности, архитектура*.

4) Домохозяйки: *досуг, отношения между людьми, достопримечательности*. Также упоминался *социальный уровень населения*.

5) Студенты: *отношения между людьми, архитектура, природа, уклад жизни, язык, сервис*. Также назывались *спортивные объекты* и интересные места страны, которые не входят в туристические маршруты.

6) Учащиеся школ: *достопримечательности, природа, досуг, кухня, архитектура, традиции, денежные отношения, отношения между людьми, культура, одежда, менталитет, транспорт*. Также были названы: *экономика страны, язык, этикет, численность населения*.

7) Дошкольники: *природа, магазины, игрушки*.

8) Пенсионеры: *кухня, отношение к туристам, уровень быта, отношения между людьми, уклад семей, природа, экология.*

9) Лица без определённого места жительства, заключённые: *достопримечательности, увеселительные заведения, магазины, местные женщины, национальная кухня.*

Сфера интересов современного туриста в другой стране разнится со сферой интересов Н. Гумилёва. Изменилась прагматическая настроенность путешественников. Они стремятся больше узнать о возможностях отдыха и развлечений в посещаемой стране. Однако мы можем с уверенностью утверждать, что у путешественников начала XX и начала XXI вв. есть общая черта — стремление познать жизнь людей другой страны. Так, в «Африканском дневнике» Н.С. Гумилёв справедливо замечает: *«Перед глазами мало-помалу встаёт картина жизни целого народа и все растёт нетерпенье увидеть её больше и больше»* [2, с. 281].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Африка: Энциклопедия в 2 томах / РАН, Ин-т Африки. – 2010.
2. Африканский дневник // Гумилёв Н. С. Сочинения. В 3 т. — Т. 2. — М.: Худож. лит., 1991. — 478 с.
3. Бакстон Д. Абиссинцы. Потомки царя Соломона / пер. с англ. Н.А. Зотиной. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. — 231 с.
4. Галушко Н.Н. Поэтические функции глаголов движения-перемещения при раскрытии темы путешествий в лирике Н.С. Гумилёва // Вестник Московского государственного областного университета. – 2009. – № 1. – С. 80–88.
5. Ганкин Э.Б. Кеббеде Деста. Русско-амхарский словарь. Около 23000 слов. – М.: Советская энциклопедия, 1965. — 1013 с.
6. Куликова Е. История... проза... поэзия? (Заметки об «Африканском дневнике Николая Гумилёва») [Электронный ресурс]. — URL: <http://new.gumilev.ru/about/175/> (дата обращения 12.10.2013г.).
7. Курилова А.Д. Новый фразеологический словарь русского языка: более 8000 фразеологизмов. — М.: Русский язык — Медиа; Дрофа, 2009. — 778с.
8. Мик // Гумилёв Н.С. Сочинения. В 3 т. — Т. 1. — М.: Худож. лит., 1991. — 590 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 2003. — 944с.
10. Словарь географических названий Эфиопии. — М.: Наука, главная редакция восточной литературы, 1974. — 359 с.
11. Степанов Е.Е. Хроники Николая Гумилёва // Гумилёв Н.С. Сочинения. В 3 т. — Т. 3. — М.: Худож. лит., 1991. — 428 с.
12. Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания. В 82 тт. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. 1890 г. — М., 1991.